

Исторические науки

УДК 902/904

А.А. ГУЩИНА
(Волгоград, Москва)

КОНЬ В МИРОВОЗЗРЕНИИ САРМАТСКИХ ПЛЕМЕН НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

На основании произведений античных авторов и источников тореутики, найденных на территории Нижнего Поволжья, показана роль коня в мировоззрении сарматских племен, проживавших на территории Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: археология, сарматские племена, конь, всадники, Нижнее Поволжье.

ANASTASIYA GUSHINA
(Volgograd, Moscow)

HORSE IN THE WORLDVIEW OF THE SARMATIAN TRIBES OF THE LOWER VOLGA REGION

Based on the works of the ancient authors and tereutics sources, found at the territory of the Lower Volga region, there is demonstrated the role of the horse in the worldview of the Sarmatian tribes, living at the territory of the Lower Volga region.

Key words: archeology, Sarmatian tribes, horse, horsemen, the Lower Volga region.

Сарматские племена зачастую выступали наемниками в различных военных столкновениях, а также вели собственные войны. Например, известно, что они сражались с армией понтийского полководца Диофанта [17, VII, II, 17], а также принимали участие Митридатовых войнах на стороне Митридата [5, с. 282].

Античные авторы отзывались о сарматах, как о воинственных племенах, которые несли страх и были прекрасными воинами. Например, Публий Овидий Назон характеризовал их как «Враг, опасный конем и далеко летящей стрелой, / Все истребляет вокруг, сколько ни видно земли. / Многие в страхе бегут» [11, X, 55].

Сарматы свои военные операции совершали преимущественно конными отрядами и очень быстро. Враг обычно из-за скорости и неожиданности терялся. Например, Полиэн описывал один из эпизодов деятельности Амаги, которая являлась женой Медосакка – царя сарматов. Амага взяла 120 человек, дала каждому по 3 лошади, проскакала за сутки 1200 стадий и внезапно появилась перед скифским царским дворцом, перебила стражу, царя, его родственников и друзей, вернула землю херсонеситам [10, VIII, 56, с. 284, 285].

Тацит в «Истории» писал: «Сарматское племя роксоланов, предыдущей зимой уничтожившее две когорты и окрыленное успехом, вторглось в Мёзию. Их конный отряд состоял из девяти тысяч человек ... Как это ни странно, сила и доблесть сарматов заключены не в них самих: нет никого хуже и слабее их в пешем бою, но вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд». Это сражение было неудачным, т. к. шел дождь и таял лед, кони либо вязли с рыхлом снега, либо скользили по льду и грязи, это все отнимало у лошадей силы. Из-за погодных условий сарматам было сложно пользоваться длинными мечами и пиками (эти виды оружия нужно держать двумя руками), тяжелые панцири усугубляли ситуацию [6, X, 79].

Конечно, конь был не только военным помощником, он играл не последнюю роль в бытовой жизни.

Аммиан Марцеллин в IV в. н. э. писал, что сарматы кочуют на большом пространстве далеко друг от друга, они не используют шалаши и не занимаются земледелием, а скотоводством. Боль-

ше снимания уделяют лошадям, которых они пасут вместе со стадами [1, XXXI, 18, 19, с. 129]. Те, кто по каким-либо причинам не были пригодны для войны, занимались бытовыми работами. Молодежь, которая с детства занималась верховой ездой, считала позорным делом ходить пешком для мужчины [1, XXXI, 18, 19, с. 129].

Также описание кочевнического быта встречается у Страбона в «Географии»: «... их войлочные палатки прикрепляются к кибиткам, в которых они живут. Вокруг палаток пасется скот, молоком, сыром и мясом которого они питаются. Они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой на болотах около Меотиды, а летом на равнинах» [17, VII, II, 17].

Аммиан Марцелин писал, что у сармат кони были холощенные, чтобы они не бросались на кобыл и не выдавали всадников, когда они находились в засаде. Также он упоминал и про то, что сарматы могли проезжать огромные расстояния на быстрых и послушных лошадях, ведя с собой одну или несколько запасных лошадей, пересаживаясь с них, чтобы сохранить силы лошадей, давая им отдыхать [1, XVII, 12, с. 129]. Практику вести с собой несколько запасных коней использовали и другие кочевые народы, как указывает А.К. Нефедкин, к ним относились, например, «половцы и башкиры» [8, с. 201].

Плиний Старший писал, что благодаря тому, что сарматы на давали лошадям еды за день до выступления, а лишь немного полили их, они могли проезжать без остановок верхом сто пятьдесят миль [9, LXV, 159], что составляет примерно 220–240 км. А.К. Нефедкин указывает, что такой путь они могли проходить за сутки и скорость лошади была примерно 9 км/ч, что соответствует средней по скорости рыси, что, в свою очередь, является основным стилем для передвижений на большие расстояния [8, с. 200].

Страбон указывал, что сарматы имели малорослых лошадей [17, VII, II, 18].

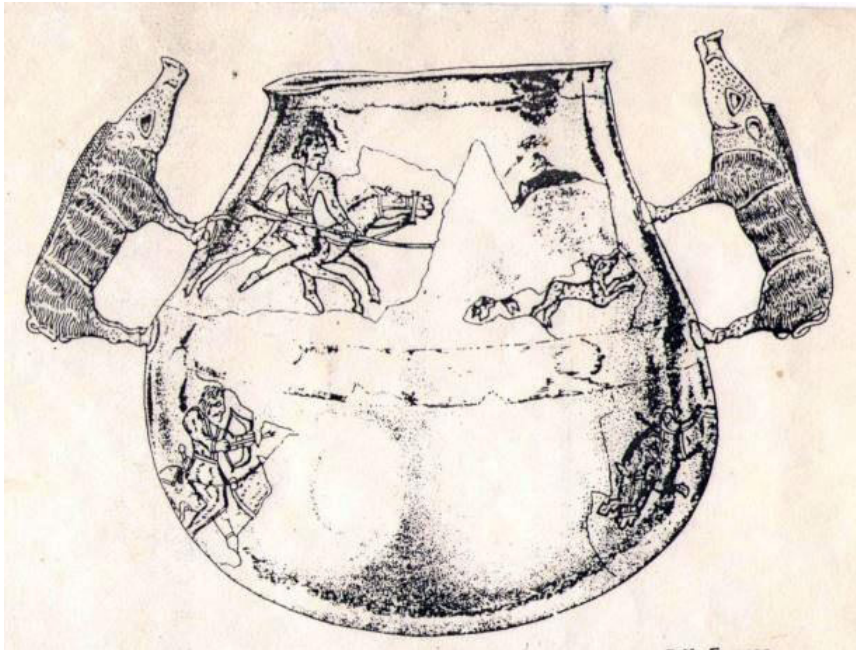
Дискуссионным является вопрос о сарматской посадке на верховом коне. Одной из причин данной дискуссии является отсутствие находок седел, т. к. они делались из органического материала. Можно лишь констатировать их наличие по остаткам различных гарнитур [12, с. 221]. Таким образом, реконструировать посадку и седло можно с помощью иконографического материала.

Например, на сосуде, найденном у хут. Килякова (Среднеахтубинский район Волгоградской области), с тремя ручками – две выполнены в виде козлов, которые заглядывают внутрь, третья – изображает лошадь с седлом [16, с. 206]. Сосуд датируется второй пол. I – первая пол. II вв. н. э. [4, с. 22]. Седло изображено с высокими задней и передней лукой (передняя немного выше, чем задняя). А.В. Симоненко считает, что можно не сомневаться, что на ручке изображен именно сарматский конь, т. к. изображение выполнено достаточно схематично («варварская манера» [12, с. 228]), но присутствуют важные детали – подпруга охватывает широкую часть груди коня ближе к передним ногам [Там же].

Долгое время считалось, что жесткое седло появляется не раньше, чем в VI в. н. э. [16, с. 210; 3], однако находка из хут. Киляковка показывает, что жесткое седло у сармат появляется раньше, как минимум в хронологический промежуток погребения (второй пол. I – первая пол. II вв. н. э.).

Также А.В. Симоненко указывает, что этот новый тип седла в Евразийский степях имел и твердый деревянный арчак, т. к. подпруги, выходя из-под ленчика, должны были крепиться к твердой основе, и присутствуют высокие луки [12, с. 230].

Изображение седла нового типа присутствует на изображении запряженных лошадей на круглодонном сосуде из погребения у Косики (Енотаевский район Астраханской области). На верхнем фризе мастер изобразил две одинаковые сцены конной охоты на кабана, в нижней части – две вооруженного сражения: воин-катафрактарий выбивает из седла лучника, который легко вооружен и конный лучник, натягивающий тетиву короткого лука (центр этой сцены был утрачен), правее раненная в холку лошадь. По предположениям авторов раскопок, в центральной утраченной части был сам сбитый всадник (см. рис. 1 на с. 28) [18, с. 182–183]. На седлах лошадей без всадников видны также выступающие луки, как и на сосуде из х. Киляковка. У лошади с упавшим всадником луки примерно одного размера, присутствуют подпруги и узда (см. рис. 2 на с. 28) [Там же, с. 181], у другой лошади, которая ранена в холку, – передняя лука больше задней, также есть подпруги и узда (см. рис. 3 на с. 28) [Там же, с. 183].

Рис. 1. Круглодонный сосуд из погребения у Косики (Енотаевский район Астраханской области) [18, с. 173]

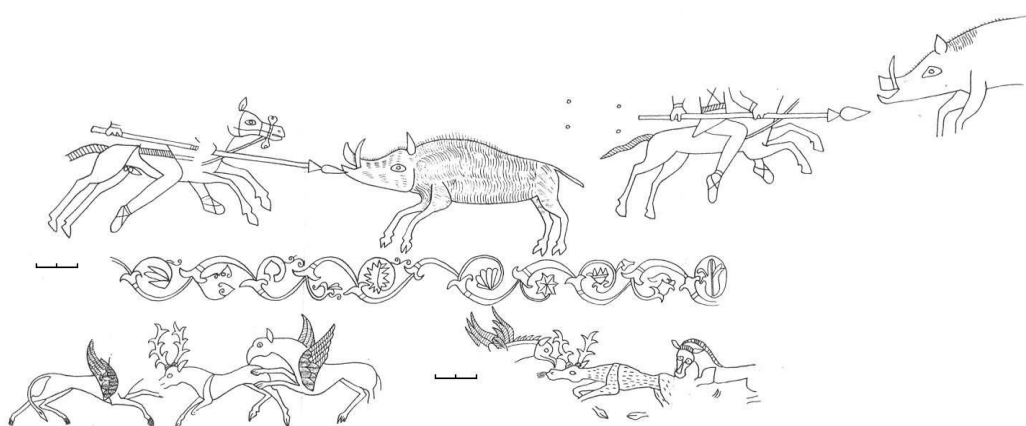

Рис. 2. Упавший всадник на круглодонном сосуде из погребения у Косики (Енотаевский район Астраханской области) [Там же, с. 181]

Рис. 3. Лошадь раненная в холку на круглодонном сосуде из погребения у Косики (Енотаевский район Астраханской области) [Там же, с. 183]

Изображение конных всадников есть на серебряном сосуде из погребения 1 кургана 4 Курганного могильника Вербовский II (Калачевский район Волгоградской области). На корпусе сосуда присутствуют несколько охотников, которые сидят на запряженных лошадях. Один сидит в свободной позе, немного откинутый назад, второй изображен в момент нападения на кабана. Жеребец запряжен в узду, которая состоит из тонких ремней, стержневых псалий, а повод висит свободно [7, с. 172]. Изображения не полные, отсутствуют верхние части людей, голова одной лошади, но на второй различима узда. Лошадь запряжена в узду с тонкими ремнями и кольчатыми псалиями. Вероятно, здесь охотники сидят на мягких седлах, т. к. на изображении просматриваются лишь повода и ремень подпруги (рис. 4) [7, с. 191].

Рис. 4. Всадники на серебряном сосуде из погребения 1 кургана 4 Курганного могильника Вербовский II (Калачевский район Волгоградской области) [Там же]

Еще реже встречаются изображения коней без всадника. Например, в погребении 3Б кургана 4 из Курганного могильника Майеровский III под левым плечом погребенной обнаружено бронзовое зеркало с массивной деревянной ручкой, которая покрыта двумя золотыми обкладками. На обеих сторонах ручки показана одна и та же композиция с разных ракурсов – с лицевой и со спины. На композиции представлен мужчина, одетый в длинный костюм, который, по предположениям авторов, покрыт пластинами, как у катафрактария. Руки мужчины согнуты в локтях и направлены в сторону лошадей, находящиеся по обе стороны от него. Лошади представлены в виде голов с заплетенными гривами. Погребение датируется II–I вв. до н. э. [13]. Такие изображения в скифо-сарматском мире неизвестны, можно найти лишь схожие мотивы. Например, в «Федуловском кладе» (Гелиос с торсами лошадей), в Александропольском кургане («восточная крылатая богиня» с животными – ланями или оленями), в погребении 2 из Тилля-Тепе (мужчина в кафтане, держащий за лапы крылатых драконов) [14, с. 104].

На территории рассматриваемых регионов, как и многих других, среди погребальных памятников кочевых племен сармат встречаются те, в которых вместе с умершим погребают коня, его части или предметы снаряжения. Последние могли заменять самого коня. А.М. Белиницкий считает, что в основе обычая хоронить целого коня, его частей тела или конской сбруи (ее фрагментов) лежала вера сармат в загробный мир. В этот мир покойного нужно было снабдить все тем, чем он пользовался при жизни. То есть, конь выступает как предмет погребального инвентаря, ведь он был неотъемлемой частью жизни сарматских племен [2, с. 31]. Наличие в сарматских погребениях вооружения и предметов конской упряжи также свидетельствует и о складывании культа конного воина у кочевых народов степей Восточной Евразии [15, с. 13].

Основным источником для изучения роли лошади в жизни сарматских племен продолжают оставаться археологические материалы из погребений. Античные произведения и торевтика являются вспомогательными источниками, но не вторичными. По совокупности источников можно сделать вывод, что лошадь занимала важное место в сарматской жизни. Она была постоянной спутницей в быту, с ее помощью племена перемещались на дальние расстояния в поисках богатых пастбищ и лучших мест для кочевой жизни. В военной сфере лошадь была также незаменима. Античные авторы постоянно ссылались на быстроту, силу и воинственность сарматской конницы.

Литература

1. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни под ред. Л.Ю. Лукомского. СПб.: Алетейя, 1994.
2. Белиницкий А.М. Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье // Краткие сообщения Института археологии. 1978. № 154. С. 31–39.
3. Вайнштейн С.И. Происхождение и развитие форм седла со стременами у народов Евразии // Тезисы докладов на заседаниях, посвящённых итогам полевых исследований 1965 года. М.: АН СССР, 1966. С. 44–47.
4. Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
5. Калистов Д.П. Этноды из истории Боспора в Римский период // Вестник древней истории. 1938. № 2. С. 276–286.
6. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. II. «История» / пер. Г.С. Кнабе. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993.
7. Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 9. С. 170–197.
8. Нефедкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011.
9. Плиний Старший. Естественная история / пер. Н.М. Подземской. Античная география. М.: Географгиз, 1953. С. 238–262.
10. Полиэн. Стратегемы / под общ. ред. А.К. Нефедкина. СПб.: Евразия, 2002.
11. Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / пер. Н.Д. Вольпин, С.В. Шервинский, С.А. Ошеров [и др.]. М.: Наука, 1978.
12. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010.
13. Скворцов Н.Б. Отчет об охранных археологических раскопках курганного могильника «Майеровский – III» Николаевского района Волгоградской области в 2002. Волгоград, 2002. // Архив ИА РАН, Р-1.
14. Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 8. С. 98–116.
15. Скрипкин А.С. Конь и человек. Сарматская эпоха // Конь и всадник: открывая страницы прошлого. Каталог выставки. Волгоград: Издатель, 2020. С. 10–15.
16. Скрипкин А.С. Случайные находки сарматских колов на территории Волгоградской области // Советская археология. 1970. Вып. 4. С. 206–209.
17. Страбон. География / пер. Г.А. Стратановский. М.: Ладомир, 1994.
18. Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // Вестник древней истории. 1994. Вып. 1. С. 172–203.